

ПОВОРОТНЫЙ ЭТАП ЦАРСКОЙ ПОЛИТИКИ.

1.

В течение первого года мировой войны царское правительство, стремясь найти себе опору у всех империалистских элементов, старалось поддерживать некоторый контакт даже и с так называемой либеральной буржуазией. В свою очередь и эта буржуазия, припрятывая до конца войны свой, впрочем весьма скромный, либерализм, решительно поддерживала романовское правительство в твердой надежде, что ему удастся довести войну «до победного конца».

Однако, понесенные летом 1915 г. русской армией поражения заставили широкие слои империалистской буржуазии усомниться в том, что, при данной системе власти, удастся закончить войну так, как этого требовали интересы русского империализма. Буржуазия, в связи с этим, мобилизовала все свои силы для успешного продолжения войны и стала настойчиво предлагать приблизить себя к правительству путем организации «министерства общественного доверия». Но Романовы к этой «общественности» никакого доверия не питали: власть не пошла на предложенную сделку и, взяв решительный реакционный курс, стала на путь энергичной борьбы с той самой либерально-империалистской буржуазией, которая так старалась об успехах войны.

Начало этого нового курса связано с моментом увольнения от должности верховного главнокомандующего в. к. Николая Николаевича (23 августа) и с разгоном Государственной Думы (3 сентября). Оба эти шага, стоящие во взаимной связи, были произведены под непосредственным давлением Распутина, — и именно к этому времени относится тот «поворотный этап», когда Распутин и стоящие за ним «силы» фактически встали во главе государства Российского.

Само собой понятно, что вступавший в новую роль Николай II никакого «верховного командования» производить не мог: последний царь был здесь лишь декоративной куклой, и всё руководство военными операциями должно было принадлежать начальнику его штаба ген. Алексееву. Несомненно, что и в. к. Николай едва ли имел какой-либо удельный вес в качестве стратега; занял он эту должность только потому, что был великим князем, и если именно ему, а не какому-либо другому из царских родственников пришлось занять это место, то только потому, что в. к. Николай обладал теми внешними данными (высокий рост, громкий голос), которые, повидимому, считались, помимо великокняжеского положения, самыми существенными условиями для успешного «верховного» руководства русской армией.

Но соображения военного характера вообще играли в данном вопросе совершенно второстепенную роль. Эта смена была прежде всего шагом политическим, — и именно с этой точки зрения более всего расценивался этот шаг и в свое время.

Сменив своего дядю, Николай писал жене:

«Начинается новая чистая страница, и что на ней будет написано — один бог всемогущий ведает».¹

«Бог всемогущий» ничего не написал на этой странице (тем более, что, хотя она была пустой, однако не была чистой); но русский народ в конце страницы написал: революция, — и захлопнул навсегда мрачную книгу монархии. Это было бы сделано, конечно, народными массами и вне всякой зависимости от этой смены. Но есть возможность предполагать, что если бы в. к. Николай в свое время не был убран на Кавказ, то самый ход умирания монархии мог бы быть несколько иным: не исключена была возможность еще той промежуточной стадии, при которой на короткое время воссел бы на «престол» этот «любимый вождь» империалистской буржуазии.

Вопрос о смене верховного командования имеет длинную историю. Подкладка этой перемены в свое время не была вполне ясна даже самым близким к романовской семье лицам. Только опубликованная теперь переписка Романовых вскрывает документально как причины этой перемены, так и те закулисные ходы, при помощи которых она была осуществлена.

Из этой переписки видно, что увольнение в. к. Николая было результатом длительной кампании, которую в письмах к царю

---

¹ «Переписка», т. III, стр. 267, письмо от 25 августа.

(и, конечно, в личных с ним беседах) вела Александра Федорона совместно с Распутиным.

Пользуясь этими письмами Романовых и пополняя их некоторыми другими новыми данными, мы изложим, в общих чертах, всю эту подпольную кампанию, так как уяснение ее дает возможность не только полнее осветить роль отдельных действующих лиц, но наметить и политический смысл происходившей тогда борьбы.

Первые подозрения Распутина против в. к. Николая видны еще в письме А. Ф. к мужу от 20 сентября 1914 г.

«Он, — пишет А. Ф. про Распутина, — постоянно опасается, что Bonheur,¹ т.-е. собственно галки,² хотят, чтобы он добился трона в П.,³ либо в Галиции, что это их цель, но я сказала, чтобы она⁴ успокоила его — совершенно немислимо, чтобы ты когда-либо рискнул сделать подобное. Гр.⁵ ревниво любит тебя, и для него невыносимо, чтобы Н. играл какую-либо роль».⁶

Итак, на этот раз А. Ф. сама разрушила подозрения Распутина, и затем в течение четырех месяцев никаких выпадов против в. к. Николая мы в переписке Романовых не встречаем. Но с конца января А. Ф., под руководством Распутина, начинает вести против Николая Николаевича энергичную кампанию.

Сначала выпады А. Ф. носят осторожный, сдержанный характер; затем тон их становится решительным, почти требовательным. Интересно проследить нарастание этой кампании.

Начало ее проявляется в неясной, правда, форме уже в письме от 22 января, где А. Ф. указывает Николаю, что он, согласно просьбе Распутина, «не должен ни разу упоминать о главнокомандующем» в своем манифесте.⁷

Однако сам Николай в это время отзывается о своем дяде довольно сочувственно; так 26 января, после какой-то беседы с последним, Николай пишет:

«Мы вплотную поговорили о некоторых серьезных вопросах и, к моему удовольствию, пришли к полному согласию по тем,

---

¹ Николай Николаевич.

² Жена в. к. Николая Анастасия и ее сестра, Милида («черные женщины»).

³ Польша.

⁴ Вырубова.

⁵ Распутин.

⁶ «Переписка», т. III, стр. 8.

⁷ Там же, стр. 94.

которые затронули. Должен сказать, что когда он один и находится в хорошем расположении духа, то он здоров — я хочу сказать, что он судит правильно. Все замечают, что с ним произошла большая перемена с начала войны...».¹

Но А. Ф. выясняет мужу неосновательность такого благодушного взгляда.

«Я так рада, что ты обстоятельно побеседовал с Н.² — Фредерике прямо в отчаянии (и справедливо) от многих его неразумных приказов, только ухудшающих дело, и по поводу еще многого, о чем сейчас лучше не говорить; он находится под влиянием других и старается взять на себя твою роль, что он не в праве делать — за исключением разве вопросов, касающихся войны. Этому следовало бы положить конец. Никто не имеет права перед богом и людьми узурпировать твои права, как он это делает, — он может заварить кашу, а позже тебе не мало труда будет стоять ее расхлебать. Меня это ужасно оскорбляет. Никто не имеет права так злоупотреблять своими необычайными полномочиями».³

В другом письме это выясняется конкретнее:

«Хотя Н., — пишет А. Ф., — поставлен очень высоко, ты выше его. Нашего Друга⁴ так же, как и меня, возмутило то, что Н. пишет свои телеграммы, ответы губернаторам и т. д. твоим стилем — он должен бы писать более просто и скромно».⁵

Затем ряд указаний дает А. Ф. относительно того, чтобы Николай Николаевич не сопровождал ее мужа в только-что взятые Львов и Перемышль:

«Прости мне, что я это говорю, но Н. не должен тебя туда сопровождать — ты должен быть главным лицом в этой первой поездке. Ты, без сомнения, сочтешь меня старой душой, но если другие об этом не думают, то приходится мне».⁶

Затем она предупреждает мужа, ссылаясь уже на Распутина:

«Он не советует брать с собою Н. — находит, что всюду тебе нужно быть одному, и с этим я вполне согласна».⁷

¹ «Переписка», т. III, стр. 103.

² Николай Николаевич.

³ «Переписка», т. III, стр. 110, письмо от 29 января.

⁴ Распутин.

⁵ «Переписка», т. III, стр. 143, письмо от 4 апреля.

⁶ Там же, стр. 149, письмо от 6 апреля.

⁷ Там же, стр. 152, письмо от 7 апреля.

Николай, однако, осмелился этот раз не исполнить этих советов; в ответ на укоры Николай оправдывается: «он (в. к. Николай) сопровождает меня, а не я нахожусь в его свите». ¹

А. Ф. наружно смиряется с этим, но считает долгом упомянуть, что Распутин очень беспокоится об этой поездке: он, оказывается, «все эти ночи горячо молился — почти не спал, так беспокоился за тебя» (Николая). Она объясняет и причину беспокойства: «ведь, какой-нибудь паршивый еврей мог бы причинить несчастье». ²

Но для А. Ф. представляется опасным не только эта поездка и вообще самое пребывание Николая в ставке:

«Наш Друг, — пишет она, — боится твоего пребывания в ставке, так как там тебе навязывают свои объяснения, и ты невольно уступаешь, хотя бы твое собственное чувство подсказывало тебе правду, для них неприемлемую. Помни, что ты долго царствовал и имеешь гораздо больше опыта, чем они... Нет, слушайся нашего Друга, ведь ему, его сердцу, дороги интересы России и твои». ³

Надо заметить кстати, что как раз в это время А. Ф. настойчиво добивалась, чтобы не призывали 2-го разряда ратников. Оказывается, этот призыв, по мнению Распутина, грозил чуть ли не гибелью России. Причина такой тревоги объяснялась, однако, очень просто: призыву подлежал сын Распутина, и вот, именно вследствие этого, в конце концов, общий призыв ратников был отменен. Но, ради этой тревоги Распутина за своего сына, А. Ф. проявила во многих письмах всю силу аргументации:

«Меня преследует, — пишет, например, она 11 июня, — желание нашего Друга, и я знаю, что неисполнение его может стать роковым для нас и для страны. Он знает, что говорит, когда говорит так серьезно. Он был против твоей поездки в Л(ьвов) и П(еремышль), и теперь мы видим, что она была преждевременна. Он был сильно против войны, был против созыва Думы и против печатания речей». ⁴

Эта цитата до известной степени открывает и политическую программу Распутина (поскольку о таковой вообще может быть речь) — это ненужность Думы, необходимость подавления гласности (даже в той жалкой форме, в которой она существовала)

¹ «Переписка», т. III, стр. 154, письмо от 7 апреля.

² Там же, стр. 167, письмо от 13 апреля.

³ Там же, стр. 199, письмо от 10 июня.

⁴ Там же, стр. 201.

и, наконец, «он был против войны». Не следует ли теперь исправить ту ошибку, которую допустили, начав войну?

Возбуждение А. Ф. против в. к. Николая в дальнейших письмах проявляется все более и более. 12 июня она пишет мужу:

«Как бы я хотела, чтобы Н. был другим человеком и не противился божьему человеку. Это всегда приносит несчастье в их работе».¹

Но за Николаем Николаевичем, помимо того, что он противится «божьему человеку», есть, оказывается, еще тяжкие преступления в прошлом:

«Мы, — говорит однажды А. Ф., — еще не подготовлены для конституционного правительства. Н. и Витте виноваты в том, что Дума существует, а тебе она принесла больше забот, чем радостей».

И, в связи с этим, А. Ф. замечает:

«Ох, не нравится мне присутствие Н. на этих больших заседаниях по внутренним вопросам. Он мало понимает нашу страну и импонирует министрам своим громким голосом и жестикацией. Меня его фальшивое положение временами бесит... Он не имеет права вмешиваться в чужие дела, надо этому положить конец и дать ему только военные дела, как Френч и Жоффе. Никто теперь не знает, кто император, — ты должен мчаться в ставку и вызывать туда министров, как-будто ты не мог их видеть здесь, как прошлую среду. Кажется со стороны, будто Н. все решает, производит перемены, выбирает людей — это приводит меня в отчаяние».²

В одном из следующих писем А. Ф. настаивает, чтобы Николай поехал повидать войска, но обязательно один, без Н. Н. Все доводы пущены в силу, чтобы убедить Николая:

«Поезжай к войскам, не говоря Н. ни слова.... Пускай, наконец, увидят, что ты действуешь, руководясь собственным желанием и умом, который стоит их всех взятых вместе».

Задавая Николаю эту мудреную задачу — показать, что он действует «своим умом», — А. Ф., не рассчитывая вполне на силу этого довода, старается вместе с тем терроризировать своего супруга:

«Но, если ты, — пишет она, — скажешь об этом Н., шпионы в ставке (кто?) сразу дадут знать германцам, которые приведут

¹ «Переписка», т. III, стр. 203.

² Там же, стр. 224 — 225, письмо от 17 июня.

в действие свои аэропланы. Три простых автомобиля не будут особенно заметны, но телеграфируй мне, чтобы я могла знать о твоём решении и известить нашего Друга, чтобы он тогда помолился за тебя».¹

Итак, в то время, когда в ставке искали предательства в кругу Распутина — Александры Федоровны, последняя, пользуясь тем же оружием, сражалась со ставкой, так и называя ее «предательская ставка».

Иногда А. Ф. пытается воздействовать и нежностью:

«Ах, мой Ники, дела идут не так, как следовало бы! Поэтому Н. и удерживает тебя там, чтобы влиять на тебя своими мыслями и дурными советами. — Неужели ты мне еще не хочешь поверить, мой мальчик?». Во что нужно было «поверить» — объясняется дальше:

«Разве ты не можешь понять, что человек, который стал просто предателем божьего человека, не может быть благословен и дела его не могут быть хорошими.² — Впрочем, что ж, если надо, чтобы он оставался во главе войск — ничего не поделаешь. Все неудачи падут на его голову, но во внутренних ошибках будут обвинять тебя, потому что никто внутри страны и не думает, что он царствует вместе с тобой».

Боясь влияния на своего мужа со стороны Николая Николаевича, А. Ф. указывает в этом же письме, что последний, в свою очередь, опасается ее воздействия на царя, «направляемого Григорием».³

Это последнее письмо А. Ф. относится к 25 июня 1915 г.; через три дня, 28 июня, Николай вернулся из ставки в Царское, где и пробыл долгое время.

Нельзя отказать А. Ф. в том, что, вдохновляемая Распутиным, кампания ее против Н. Н. была проведена блестяще. Все приемы, все способы были пущены в ход, чтобы воздействовать на недалекого и легко подвергавшегося влияниям Николая: и убеждения, и угрозы, и нежность, и ложь, а главное — весь великий авторитет Григория Распутина.

Для уяснения хода событий этого времени надо заметить, что в первой половине июня Николаем было принято несколько решений, которые можно было рассматривать, как некоторую

---

¹ «Переписка», т. III, стр. 243, письмо от 24 июня.

² Говорится про Николая Николаевича.

³ «Переписка» т. III, стр. 245.

вынужденную уступку «общественному мнению», сделанную в виду предстоявшего созыва Государственной Думы.

Так, 6 июня был уволен от должности министра внутренних дел Маклаков, замененный князем Щербатовым; 12 июня Николай уведомлял свою жену, что вместо Сухомлинова он, по рекомендации Н. Н., намерен назначить военным министром Поливанова; через три дня, 15 июня, Николай сообщал А. Ф., что он решил вместо Саблера назначить обер-прокурором синода «чистого, благочестивого и благонамеренного человека» — Самарина.¹

Кроме того, тогда же созрело решение созвать Государственную Думу — на 19 июля.

Все эти мероприятия были приняты Николаем помимо А. Ф., и объяснялись влиянием «ставки», которого она так боялась. Но, испытывая это влияние, Николай находил, что все эти меры необходимы: «С такими людьми (как Самарин), — писал Николай, — в правительстве можно работать, и все они будут держаться сплоченно. Это совершенно несомненно».²

Эти самовольные действия Николая вызвали со стороны А. Ф. поток укоров и упреков. Целое письмо посвящает она отговорам от назначения Самарина (но Николай уже предложил ему место); она ссылается на то, как волнуется Распутин от слухов об уходе Саблера и назначении Самарина, — сама же она — «прямо в отчаянии».

«Я имею основательные причины его (Самарина) не любить, — долбит А. Ф., — так как он всегда говорил и теперь продолжает говорить против нашего Друга, — и все пойдет плохо.... Он будет работать против нас, раз он против нашего Друга...».³

Все эти мотивы повторялись потом с утомительной настойчивостью. Вместе с тем А. Ф., подкрепляя себя мнением Распутина, требовала, чтобы Николай не созывал Думы. Так, 17 июня 1915 г. А. Ф. писала Николаю:

«Теперь, в августе, собирается Дума, а наш Друг тебя несколько раз просил сделать это как можно позднее... Не забудь, что ты есть и должен оставаться самодержавием императором!».⁴

¹ «Переписка», т. III, стр. 205 и 214.

² Там же, стр. 215, письмо от 15 июня.

³ Там же, стр. 217, письмо от 15 июня.

⁴ «Переписка», т. III, стр. 224.

Тот же мотив повторяется и далее,—например, в письме от 25 июня:

«Дорогой мой, — пишет А. Ф. — я слыхала, что этот мерзкий Родзянко с другими ходил к Горемыкину просить, чтобы немедленно созвали Думу. О, прошу тебя, не позволяй! Это не их дело! Они хотят обсуждать дела, которые их не касаются, и вызвать еще больше недовольства. Надо их отстранить... Россия, слава богу, не конституционная страна, хотя эти твари пытаются играть роль и вмешиваться в дела, которых не смеют касаться! Не позволяй им наседать на тебя. Это ужасно, — если им сделать уступку, то они подымут голову».¹

Таким образом, ближайшая программа А. Ф. — Распутина выявилась к этому времени вполне ясно: они против созыва Думы, против тех министров, которые могли бы работать совместно с Думой, и против дальнейшего пребывания Николая Николаевича в должности главнокомандующего.

Вместе с тем выдвигалась программа «ставки», под влияние которой во время своего там пребывания, как мы видели, подпадал Николай.

В ставке, где господствовало антираспутинское настроение, относились более терпимо к работе с наиболее умеренной частью Думы и находили желательным некоторое подновление «кабинета министров» путем включения сюда таких людей, которые, во всяком случае, не были бы слишком враждебны дворянской и буржуазной «общественности». Несмотря на все свое отвращение к Думе, Николай, под влиянием ставки, иногда пытался, как мы отметили, делать некоторые шаги в рекомендуемом ему направлении.

Когда Николай явился в Царское к своей супруге, то она, в дополнение к письмам, применила всю силу своего личного, непосредственного влияния, чтобы заставить Николая исполнить все ее настояния, и главное из них — уволить Николая Николаевича. Уже 10 августа Николай уведомлял об этом следующей телеграммой графа Воронцова-Дашкова:

«Генерал-адъютанту гр. Воронцову-Дашкову.

Ш и ф р о м.

Боржом.

Послал вам Дмитрия Шереметева с письмом. Считаю нужным предупредить вас, что я решил взять руководство действиями

¹ «Переписка», т. III, стр. 244.

наших армий на себя. Поэтому в. к. Николай Николаевич будет освобожден от командования армиями, с назначением на ваше место. Уверен, что вы поймете серьезность причин, которые заставляют меня прибегнуть к столь важной перемене.

*Николай».*¹

В те же дни Распутиным и А. Ф. были достигнуты и другие их цели: помимо отставки Николая Николаевича, тогда же, несомненно, был предreshен роспуск Думы (она была распущена 3 сентября); вместе с тем в это же время было намечено, несколько потом задержавшееся, увольнение особенно неприятных императрице министров — Самарина и Щербатова.

Именно этим объясняется торжествующий тон первого письма А. Ф. к Николаю после его отъезда в ставку (от 22 августа 1915 г.). Победа А. Ф. и Распутина была полная и решительная, и именно потому Николай, которого раньше А. Ф. наставляла, как маленького мальчика, теперь вдруг стал в ее глазах «настоящим самодержцем».

Вот что писала теперь А. Ф. мужу:

«Так тяжело отпускать тебя совершенно одного, но бог очень близок к тебе, больше чем когда-либо! — Ты вынес один, с решимостью и стойкостью, тяжкую борьбу ради родины и престола. — Никогда не видали они раньше в тебе такой решимости, и это не может остаться бесплодным.

«Не беспокойся о том, что остается позади. Необходимо быть строгим и прекратить сразу все. — Другок, я здесь, не смейся над своей глупой, старой женушкой, но на мне надеты невидимые «брюки», и я смогу заставить старика² быть энергичным. Говори мне, что делать, пользуйся мной, если я могу быть полезной. В такие времена господь мне подает силу, потому что наши души борются за правое дело против зла. — Это все гораздо глубже, чем кажется на-глаз. Мы, которым дано видеть все с другой стороны, видим, в чем состоит и что означает эта борьба. — Ты, наконец, показываешь себя государем, настоящим самодержцем, без которого Россия не может существовать! Если бы ты пошел на уступки в этих разнообразных вопросах, они бы еще больше вытянули из тебя. — Единственное спасение в твоей твердости. — Я знаю, чего тебе это стоит, и ужасно за тебя страдаю. Прости меня, — умоляю мой ангел, —

¹ С оригинала, писаного Николаем.

² Горемыкина.

что не оставляла тебя в покое и приставала к тебе так много! Но я слишком хорошо знала твой исключительно мягкий характер, и тебе пришлось преодолеть его на этот раз и победить, одному против всех. — Это будет славная страница твоего царствования и истории России — вся история этих недель и дней. Бог, который справедлив и около тебя, спасет твою страну и престол через твою твердость. Редко кто выдерживал более тяжкую борьбу, чем твоя, — она будет увенчана успехом, только верь этому. Твоя вера была испытана, и ты остался твердым, как скала, за это ты будешь благословен. Бог помазал тебя на коронации, поставил тебя на твое место и ты исполнил свой долг. Будь в этом твердо уверен: он не забывает своего помазанника. Молитвы нашего Друга денно и нощно возносятся за тебя к небесам, и господь их услышит.

«Те, которые боятся и не могут понять твоих поступков, убедятся позднее в твоей мудрости. Это начало славы твоего царствования. Он¹ это сказал, и я глубоко этому верю. Твое солнце восходит, и сегодня оно так ярко светит».²

Вот каким великим человеком стал жалкий Николай, когда исполнил все требования своей жены и Распутина.

Итак, начиналась «новая страница»... Но перевертывание этой страницы происходило при самом упорном противодействии почти всех самых близких Николаю людей, даже некоторых членов его семьи. Это мы также вкратце отметим, и, главным образом, потому, что на вопросы политики господ Романовы смотрели, прежде всего, с точки зрения своих семейных интересов, — и голос членов семьи, противодействовавших требованиям А. Ф. и Распутина, был одним из проявлений этой «тяжкой борьбы», о которой говорит А. Ф. в цитированном письме.

Во главе родственной оппозиции, ведшей эту «борьбу», оказалась сама мать Николая — Мария Федоровна. В то время как жена, А. Ф., совместно с Распутиным, находила, что если не уволить Н. Н., то последний может сбросить своего племянника с престола,

мать дара придерживалась совершенно обратного мнения:

«Она считает, — записывал в. к. Андрей Владимирович в своем дневнике, — что его (Николая Николаевича) удаление поведет к неминуемой гибели Н. (Николая II), так как этого ему не простят».

¹ Распутин.

² «Переписка», т. III, стр. 252.

Но на убеждение матери — «подумать обо всем хорошенько и не вести Россию на гибель» — сын ответил, что «все его обманывают, и что ему нужно спасти Россию — это его долг, призвание».

Мать пыталась указывать сыну, что он «мало подготовлен к этой трудной роли, что дела государственные требуют его присутствия в Петрограде». Но сын остался неумолим.

Тогда же, в связи с тем, что Николай II удалил от себя двух особенно преданных ему людей — генералов Орлова и Джунковского, Мария Федоровна находила, что ее сын остается теперь «совершенно один с этим ужасным Кувакой» (Воейковым); при этом мать Николая высказывала, что все происходящее напоминает ей времена Павла I, который начал в последний год удалять от себя всех преданных людей, — «и печальный конец нашего прадеда (так записывает в. к. Андрей) ей (Марии Федоровне) мерещится во всем своем ужасе».¹

В таком же настроении, как М. Ф., находились и некоторые другие лица из ближайшего к царю родственного круга.

Но не только в этом придворном кругу, а и среди тогдашней дворянской и буржуазной «общественности» известие о предположенной перемене произвело огромную тревогу. Начались различные обращения к царю, направленные к тому, чтобы предотвратить его от этого, уже принятого им, решения.

Волнение, вызванное этим решением в думском кругу, выразилось в докладе председателя Думы Родзянко, который умолял Николая не принимать на себя верховного командования. Это было 11 августа. Но, конечно, эти мольбы не могли иметь никакого действия, раз решение уже было принято под влиянием таких сил, как А. Ф. и Распутин. Тем не менее, Родзянко продолжал настаивать и на следующий день написал Николаю особый доклад, в котором, несмотря на свое камергерское звание и верно-подданническое усердие, высказывался довольно резко. Этого доклада Николай, — по словам Родзянко, — не мог ему простить «до последних дней».² Председатель Государственной Думы считал этот момент «исходным пунктом нашей гибели»; под именем «нашей гибели» Родзянко, очевидно, разумел революцию, которая, в конечном итоге, действительно, погубила не

---

¹ «Дневник 6. великого князя Андрея Владимировича». Ленгиз. 1925 г. стр. 76 — 78.

² Показания Родзянко в Следственной комиссии.

только дворянство, — представителем которого Родзянко являлся, — но и буржуазию. И сознание этой грядущей опасности (хотя, в сущности, очень мало связанной с вопросом о смене командования) придало обращению Родзянки к Николаю II особый пафос.

Вот что писал Родзянко Николаю.

Доклад председателя Государственной
Думы Родзянко Николаю II.

«Его императорскому величеству
всеподданнейший доклад

Председателя Государственной Думы.

«Ваше императорское величество!

«В дополнение к моему устному докладу, который я имел счастье повергнуть перед вами одиннадцатого августа, приемлю смелость вновь умолять ваше величество не подвергать вашу священную особу тем опасностям, в которые она может быть поставлена последствиями принятого вами решения.

«Государь! Вы являетесь символом и знаменем, вокруг которого объединяются все народы России. Это знамя не может и не должно быть помято грозой и бурей налетевших невзгод. Оно должно лучезарно сиять, как светоч всех народных стремлений, и быть несокрушимым оплотом всех сынов России и надеждою на успокоение их взволнованных событиями умов.

«Государь! Мы не имеем права перед страшною допустить малейшую возможность, чтобы на это священное знамя могла пасть какая-либо тень.

«В этот страшный час еще небывалой в истории России опасности, когда возникает вопрос о возможности тяжелого тевтонского ига над русской землей, вы, государь, должны вне и выше быть органов власти, на обязанности которых лежит непосредственное отражение врага.

«Вы не можете быть действующим лицом, вы должны быть судьей, милостивым поощрителем или неумолимым карателем.

«Если же вы, государь, примете на себя непосредственное водительство нашею славною армиею — вы, государь, последнее прибежище вашего народа, — кто же осуществит тогда суд, в случае неудачи или поражения? Неужели, государь, не ясно, что вы добровольно отдадите вашу неприкосновенную особу на суд народа, — а это есть гибель России.

«Подумайте, государь, на что заносите вы руку? — на себя, государь!

«Родина наша переживает тяжелый перелом. Всеобщее недоверие окружает стоящее ныне у власти правительство, утратившее спокойствие и волю; его беспорядочными мероприятиями распатано всякое понятие о власти, а между тем теперь, как никогда, в стране выросло сознание в необходимости твердой, несокрушимой веры в себя и в народные силы власти. Мысль и волнение всех русских людей дошли до небывалого напряжения в тревоге за судьбы России.

«Народ тоскует и нетерпеливо ждет той власти, которая способна будет внести успокоение и вывести родину на стезю победы. И в такое время, ваше величество, вы решаетесь сместить верховного главнокомандующего, в которого безгранично еще верит русский народ. Народ не иначе объяснит ваш шаг, как вынужденный вам окружающими вас немцами, которые в понятии народном связываются с нашими врагами и изменою русскому делу.

«В понятии народном последствием решения вашего величества явится сознание безнадёжности положения и наступившего хаоса в управлении.

«Государь! Еще страшнее будет то положение, когда армия, лишенная пользующегося ее полным доверием вождя, упадет духом.

«В этом случае поражение неминуемо, а внутри страны неизбежно вспыхнет тогда революция и анархия, которые сметут все, что стоит на их пути.

«Ваше величество! Пока еще не поздно, отмените ваше решение, как бы тяжело вам это ни было.

«Сохраните во главе армии великого князя Николая Николаевича.

«Успокойте встревоженные и уже волнующиеся умы образованием правительства из лиц, пользующихся доверием вашим и известных стране своей общественною деятельностью.

«Государь, еще не поздно!

«Коленоупреклонно молю вас горячо не медлить решением, сохраняя от грядущей беды священную для нас особу русского царя и царствующую династию.

«Государь! Внемлите этому правдивому душевному голосу верноподданного вашего слуги.

Председатель Государственной Думы *Михаил Родзянко*».

«Петроград
«12 Августа 1915 г.».¹

¹ С подлинника.

Одновременно с Родзянкой, воссылавшим эти мольбы к Николаю, действовали и другие противники смены: как пишет в своем дневнике в. к. Андрей, они, видимо, еще на что-то рассчитывая, «упросили государя» отложить эту меру до конца августа.¹

Несомненно, в это же время Николай получил и ответное письмо от гр. Воронцова-Дашкова, с Кавказа. Воронцов писал царю следующее.

Письмо графа Воронцова-Дашкова к Николаю II.

«Ваше величество.

«С чувством глубокой благодарности прочел я переданное мне Дмитрием Шереметевым письмо дорогого моего государя, оно дает мне право со спокойной совестью прожить остаток дней моих. Не могу при этом не повторить много раз мною сказанное, что без поддержки и доверия ко мне вашего величества я бы не смог быть вам полезным.

«Полученная 10-го телеграмма вашего величества вызвала во мне следующие размышления, которые я с разрешенной мне вами откровенностью позволяю себе высказать.

«Ваше величество желаете стать во главе армии. При этом, для дальнейших событий по управлению обширным Российским государством, необходимо, чтобы армия, под вашим начальством, была бы победоносной. Неудача отразилась бы пагубно на дальнейшем царствовании вашем. Я лично убежден в окончательном успехе, но не уверен в скором повороте к лучшему. Много напортило существующее командование и скорое исправление ошибок трудно ожидать.— Необходимо избрание вами достойного начальника штаба на смену настоящего. Голоса с западного фронта, доходящие до Кавказа, называют ген. Алексеева. Голос армии, вероятно, не ошибается.

«Назначение великого князя Николая Николаевича наместником вашим на Кавказе я считаю весьма желательным. Великому князю легче управлять Кавказом, чем простому смертному; такое уже свойство Востока. Я уверен, что великий князь скоро полюбит Кавказ и его жителей, и жители его полюбят за его доброту и отзывчивость, но пожелает ли он занять это место? Разжалование из попов в дьяконы, сильно затрагивая его самолюбие, не может не быть для него крайне тяжелым, он будет просить ваше величество об увольнении от занимаемого высокого поста

¹ «Дневник б. великого князя Андрея Владимировича», стр. 69.

по болезни, без нового назначения, или о разрешении ему отдыха на более или менее продолжительный срок.

«Ежели великий князь согласится тотчас занять новую должность, то я бы просил разрешения вашего не ожидать его в Тифлисе, а встретить у границ Кавказа в Ростове-на-Дону.

«Еще раз прошу дорогого мне государя принять выражение глубокой благодарности за все высказанное в письме. Письмо это будет свято храниться в нашем семейном архиве.

«Христос да будет с вами.

Душою преданный *И. Воронцов*».¹

20 августа, перед самым отъездом Николая в ставку, для принятия командования, в Царском Селе состоялось заседание совета министров, на котором последние также пытались убеждать Николая не принимать на себя этой роли. Все министры, кроме председателя совета Горемыкина и его прихвостня А. А. Хвостова, были в этом отношении единодушны. Но Николай, уже умудренный Распутиным и Александрой Федоровной, остался непоколебим.

Однако, министры на этом не успокоились и на следующий день выступили с письменным коллективным обращением по тому же вопросу. Это заявление здесь приводим.

Коллективное обращение министров к Николаю II.

«Всемилостивейший государь.

«Не поставьте нам в вину наше смелое и откровенное обращение к вам. Поступить так нас обязывает верноподданнический долг, любовь к вам и Родине и тревожное сознание грозного значения совершающихся ныне событий.

«Вчера, в заседании совета министров, под вашим личным председательством, мы повергли перед вами единодушную просьбу о том, чтобы великий князь Николай Николаевич не был отстранен от участия в верховном командовании армией. Но мы опасаемся, что вашему императорскому величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смеем думать, всей верной вам России.

«Государь, еще раз осмеливаемся вам высказать, что принятие вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, вам и династии вашей тяжелыми последствиями.

¹ В конце письма Николаем помечено карандашом: «Август 1915 г.».— С подлинника.

«На том же заседании воочию сказалось коренное разномыслие между председателем совета министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства. Такое положение, во всякое время недопустимое, в настоящие дни губительно.

«Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить вам и Родине.

«Вашего императорского величества верноподданные:

Петр Харитонов

Князь Н. Щербатов

Александр Кривошеин

Александр Самарин

Сергей Сазонов

Граф Павел Игнатьев

Петр Барк

Князь Всеволод Шаховской.

21 августа 1915 г.¹

Таким образом, как видно из этого заявления, против председателя совета Горемыкина создалась оппозиция почти из всех остальных министров.²

Надо сказать, что старый бюрократ Горемыкин был в это время человеком уже явно выживавшим из ума; никакой самостоятельной политической позиции он не имел и иметь не мог, и подчинялся то тем, то другим влияниям, в зависимости от того, что подсказывала ему его еще сохранявшаяся бюрократическая хитрость. Поддаваясь иногда, до этого времени, влиянию группы «либеральных» бюрократов (Кривошеин, Харитонов), Горемыкин в последнее время взял, однако, ориентацию на Распутина. Это было нужно Горемыкину для сохранения своего положения, и он добился взаимности со стороны распутинцев: А. Ф. писала тогда (16 июня 1915 г.) о том, как она «уважает и любит старого Горемыкина». Объяснение причины этой любви было очень простое: «он (Горемыкин) так близок с нашим Другом».³

Что касается министров, подписавших обращение к Николаю, то в их числе, кроме лиц, отрицательно относившихся

¹ С подлинника. — Обращение это было составлено Самариним.

² Из состава совета министров под обращением нет подписей, кроме Горемыкина и министра юстиции А. А. Хвостова, — также военного министра Поливанова и морского — Григоровича. Последние присутствовали на заседании совета министров 20 августа, сочувствовали взглядам большинства, но не подписали заявления, находя это несовместимым с военной дисциплиной. См. «Мемуары» А. А. Поливанова (М. 1924 г.), где вообще приведено много подробностей относительно обстоятельств этой смены.

³ «Переписка», т. III, стр. 220.

к Распутину, были и те, которые укрепляли свою карьеру при его посредстве. Таковы были: министр финансов Барк, лакействовавший сначала перед князем Мещерским, а затем, в рассматриваемое нами время, и перед Распутиным.¹ При помощи последнего стал министром и кн. Шаховской (министр торговли).²

Не безупречен был в этом отношении и кн. Щербатов, «общественный деятель», выдвинутый дворянскими кругами, которые, вероятно, находили, что предшествовавшая служебная деятельность Щербатова по заведыванию государственным коннозаводством является вполне достаточной подготовкой для управления внутренними делами России. Относясь отрицательно к Распутину, Щербатов не прочь был, однако, базироваться на другого, близкого и к «божьему человеку», придворного авантюриста, кн. Андроникова.³ Подписав коллективное письмо к Николаю, Щербатов, в конце концов, испугался его гнева и поспешил исправить произведенное неприятное впечатление; в связи с этим, через несколько дней, Николай так писал из ставки о своем свидании со Щербатовым:

«Щербатов на этот раз произвел на меня гораздо лучшее впечатление, чем в Царском; он робел гораздо меньше и рассуждал здраво. На счет Москвы он говорил, что нет оснований тревожиться съездом, что если они вынесут глупые резолюции, то их не разрешат к напечатанию и, таким образом, никакой беды не выйдет. Правильно!». ⁴

Никакого результата приведенное обращение министров, конечно, не имело, и 23 августа Николай официально объявил о том, что он принимает на себя верховное командование.

Тем не менее это письмо министров вызвало чрезвычайную ярость Александры Федоровны и послужило лишним поводом для кампании, которую она вела против неугодных ей министров.

Вполне надежным человеком, в глазах Романовых, из всего состава министров оставался в это время, в сущности, лишь один Горемыкин. 23 августа А. Ф. писала своему мужу про свидание с ним:

¹ См., например, «Перениска», т. III, стр. 194.

² Там же, стр. 207, 213.

³ Там же, стр. 207.

⁴ Там же, стр. 218. — В приведенной цитате говорится о съезде земского и городского союзов, который вскоре после этого должен был состояться в Москве.

«Он, — говорит А. Ф., — возмущен и в ужасе от письма министров, написанного, как он думает, Самариним. Он не находил слов для описания их поведения и говорил мне, что ему трудно председательствовать, зная, что все против него и его мыслей, но никогда не подумает подать в отставку, так как знает, что ты ему сказал бы, если бы таково было твое желание».¹

В том же письме А. Ф. сообщает, что Сазонов «ходит и хнычет» и все по тому же поводу; она не удерживается, чтобы не отозваться на это: «дурак!».²

Николай, прочитав это письмо жены, восторженно отозвался относительно ее беседы с Горемыкиным.

«Я в восторге, — писал Николай, — что ты говорила со старым Горемыкиным и утешила его. Пожалуйста, в следующий раз передай ему, что как только Гос. Совет и Дума закончат свои работы, их надо прикрыть, все равно, вернусь ли я к тому времени или еще буду находиться здесь».³

Особенная ненависть А. Ф. пала, в связи со всей этой историей, на Самарина:

«Самарин, — пишет она мужу, — все продолжает интриговать против меня. Надеюсь в скором времени составить для тебя список подходящих имен и уверена, что найду ему преемника до того, как он успеет навредить».⁴

Таким образом, ближайшей задачей А. Ф. явилось теперь составление нового «кабинета министров»; но для этого надо

¹ «Переписка», т. III, стр. 256.

² Отметим кстати, что в этом же письме А. Ф. сообщает, что, по совету Горемыкина, она хотела бы «повидать Крупенского и расспросить его про Думу, так как он всех там знает». Николай в ответном письме, от 25 августа, отозвался на это: «Почему бы не повидать Крупенского — он надежный человек и, может-быть, расскажет тебе стоящие вещи» («Переписка», III, 267). Речь идет о П. Н. Крупенском, камергере и члене Госуд. Думы («националист», принадлежавший к «прогрессивному блоку»); желание же А. Ф. повидать его вызывалось необходимостью знать настроение Думы, в виду предстоявшего ее разгона. Но Крупенский осведомлял не только Романовых: он был вместе с тем секретным агентом департамента полиции и «осведомлял» о настроениях Думы директора департамента полиции Белецкого; в своих показаниях в Следств. комиссии Белецкий, между прочим, указывает, что, по распоряжению А. Н. Хвостова, Крупенскому было выдано 20 тысяч рублей «под видом устройства потребительской при Госуд. Думе лавки», а в действительности для привлечения его «к осведомлению настроения Государственной Думы» (письменное показание Белецкого).

³ «Переписка», т. III, стр. 267.

⁴ Там же, стр. 269 — 270.

было, прежде всего, поскорее удалить главное зло — Самарина и Щербатова.

«Мы должны, — пишет А. Ф. 24 августа, — удалить Самарина, и чем скорее, тем лучше — он, ведь, не успокоится, пока не втянет меня, нашего Друга и А.¹ в неприятную историю. Это очень гадко и ужасно непатриотично и узко...».²

К этому прибавлены еще такие воинственные строки этой женщины в «невидимых брюках» (как она про себя говорила): «Мне хочется отколотить почти всех министров и поскорее выгнать Щербатова и Самарина». А в одном из дальнейших писем А. Ф. с удовольствием предвкушает то время, когда Самарин «полетит со своей нелепой, нелойальной, сумасбродной идеей о спасении России».³

В таких выразительных словах характеризовала «спасение России» русская императрица...

Что касается самого Николая, то он был вполне удовлетворен происшедшей сменой и никак не мог понять поведения министров.

«Поведение некоторых министров, — писал он жене 9 сентября, — продолжает изумлять меня! После всего, что я им говорил на знаменитом вечернем заседании,⁴ я полагал, что они поняли и меня, и то, что я серьезно сказал именно то, что думал. Что ж, тем хуже для них! Они боялись закрыть Думу — это было сделано! Я уехал сюда и сменил Н., вопреки их советам; люди приняли этот шаг, как нечто естественное, и поняли его, как мы. Доказательство — куча телеграмм, которые я получаю со всех сторон — в самых трогательных выражениях. Все это ясно показывает мне одно, что министры, постоянно живя в городе, ужасно мало знают о том, что происходит во всей стране. Здесь я могу судить правильно об истинном настроении среди разных классов народа: все должно быть сделано, чтобы довести войну до победного конца, и никаких сомнений на этот счет не высказывается. Это мне официально говорили все депутации, которые я принимал на днях, и так это повсюду в России. Единственное исключение составляют Петроград и Москва — две крошечных точки на карте нашего отечества».⁵

¹ А. Вырубову.

² «Переписка», т. III, стр. 281.

³ Там же, стр. 335, письмо от 11 сентября.

⁴ 20 августа, накануне того дня, когда министры подали коллективное заявление.

⁵ Там же, стр. 329.

Эта цитата наглядно характеризует то глупое самомнение, с каким Николай вступил в свою роль. Это самомнение объясняется отчасти тем, что Николай теперь почувствовал себя в безопасности от «коварных замыслов» своего предшественника, который будто бы собирался свергнуть его с «престола».

Возможность такого положения внушили Николаю Распутин и Александра Федоровна, и именно это, в глазах царя, было главным мотивом устранения в. к. Николая. В своих письмах к мужу, уже после этого, А. Ф. не раз подчеркивала, что тогда, благодаря Распутину, Николай избег грозной опасности. Так, в письме от 10 октября 1915 г., говоря про в. к. Николая и «черногорок»,¹ А. Ф. пишет:

«Они замыслили совершенно другую игру. Наш Друг вовремя раскрыл их карты, и спас тебя тем, что убедил прогнать Н. и принять на себя командование. Со всех сторон доходит все больше и больше про их грязную изменническую игру».²

Нужно, однако, заметить, что, судя по позднейшему авторитетному разъяснению Распутина, свержение Николая II должно было произойти во время смуты. По крайней мере, в декабре 1916 г., Распутин говорил, что именно теперь «пришла смута», которая должна была быть в России во время или после войны, и «если наш (т.-е. Николай II) не взял бы с места Николая Николаевича, то летел бы с престола теперь».³

Но ведь тогда, в августе 1915, никакой «смуты» еще не было... Поэтому нам представляется, что одно уже это сопоставление двух распутинских указаний, помимо всяких других соображений, заставляет усомниться в правдивости первого — относительно той «игры», которую замыслил Николай Николаевич в августе 1915 г. Надо думать, эта угроза «свержения» применялась Распутиным и А. Ф. Романовой просто в качестве ловкого приема, чтобы запугать Николая. Основные же причины распутинской кампании были иные. Распутин мог руководствоваться желанием отомстить «верховному» за то, что тот, кто первый когда-то приставил его ко двору и вывел в «божьи люди», потом не только усомнился в его «святости», но даже стал его ярым врагом. Могло быть так, но могли быть,

---

¹ Жена Николая Николаевича, Анастасия, и ее сестра, Милица.

² «Переписка», т. III, стр. 331.

³ «Семейная переписка Романовых» — «Красный Архив», том IV, стр. 173, письмо А. Ф. от 9 октября 1916 г.

как у Распутина, так и у А. Ф., и какие-либо другие, пока неизвестные нам, побуждения...

Оставляя пока этот вопрос, мы закончим изложение обстоятельств смены указанием на другие, связанные с ней, политические акты. Важнейшим из них был, конечно, роспуск Государственной Думы 3 сентября 1915 г.

Связь этого акта с устранением «верховного» заключается уже в том, что в обоих этих случаях наносился удар либерально-империалистской буржуазии, признанным «вождем» которой был устраненный великий князь; кроме того, он, совместно с Витте, считался Романовыми виновником создания этого зловредного учреждения, Г. Думы, и вообще подозревался в некотором сочувствии к ее функционированию. Сочувствия, в действительности, никакого не было, но возглавлявшаяся им «ставка», действительно, признавала полезным существование Думы, для лучшей организации ведения войны.

Помимо роспуска Думы, в связи с устранением в. к. Николая стоит и увольнение тех министров, которые подозревались в либерализме и в подписании протестующего против смены письма. Увольнение двух из них, особенно ненавистных — Самарина и Щербатова, — было, как мы отмечали, предпринято уже тогда, когда был решен вопрос о разгоне Думы и смещении в. к. Николая. Но довольно долго не могли найти подходящих заместителей, и, вследствие этого, отставка министров задержалась. Однако, потом и это дело наладилось.

Эта смена министров шла в такой хронологической последовательности: первыми были уволены — 26 сентября — Щербатов и Самарин, затем Кривошеин — 26 октября; после него — Харитонов — 25 января 1916 г., и т. д.

Долго оставался министром Сазонов, — его уволили только 7 июля 1916 г. Но, очевидно, такое продление, несмотря на энергичную борьбу против Сазонова А. Ф., объясняется только тем, что Николай боялся этой отставкой задеть «союзников», которые с именем этого министра связывали уверенность в том, что верность союзу не будет нарушена.

По этим же, «союзническим» побуждениям был оставлен и Барк, ибо непосредственно с ним вели «союзники» переговоры о займах, и он был специалистом в этой области. Тем не менее А. Ф. вела кампанию и против Барка, и еще в декабре 1915 г. вспоминала про участие его в коллективном обращении: «Он сам, — писала А. Ф. про Барка, — не чувствует себя

очень твердо на своем посту с тех пор, как подписал это письмо с другими министрами, которые с тех пор почти все вышли в отставку».¹

Остался (до конца 1916 г.) на посту министра гр. П. Н. Игнатьев, ведавший «народным просвещением»; несмотря на все сочувствие к нему либеральной «общественности», он, видимо, не казался Романовым особенно опасным. Что касается князя Шаховского (министра торговли), то этот своим пресмыкательством перед Распутиным, несомненно, вполне исправил ошибку, допущенную подписанием коллективного обращения, а потому остался на своем месте.

Всеми этими «преобразованиями» Николай, действительно, показал, что начинается «новая славная страница» его царствования — страница, которая неминуемо должна была оказаться и позорной, и последней.

2.

То, о чем мы говорили до сих пор, вскрывает те обстоятельства, при которых происходило начало «поворотного этапа» романовской политики. Но это, так сказать, русская сторона дела, притом непосредственно связанная с Романовыми. Однако, в этом вопросе была и другая сторона — сторона германская.

Мы хотим здесь отметить, что эта кампания А. Ф. Романовой и Распутина [против великого князя Николая шла одновременно с той борьбой, которую тогда же пытались вести против него австро-германские империалисты. Борьба распутинцев против Николая-главнокомандующего началась с января 1915 г., — по крайней мере, именно тогда стало это ясно проявляться в письмах Александры Федоровны; но тогда же, с января 1915 г., на фронте стали распространяться австро-германцами такие, обращенные к русским солдатам, прокламации:

«Солдаты!

«В самых трудных минутах своей жизни обращается к вам, солдатам, ваш царь.

«Возникла сия несчастная война против воли моей: она вызвана интригами великого князя Николая Николаевича и его сторонников, желающего устранить меня, дабы ему самому занять престол. Ни под каким видом я не согласился бы

¹ «Переписка», т. III, стр. 501, письмо от 19 декабря.

на объявление сей войны, зная наперед ее печальный для матушки России исход; но коварный мой родственник и вероломные генералы мешают мне в употреблении данной мне богом власти, и, опасаясь за свою жизнь, я принужден выполнять все то, что они требуют от меня.

«Солдаты! Отказывайтесь повиноваться вашим вероломным генералам, обращайтесь оружие на всех, кто угрожает жизни и свободе вашего царя, безопасности и прочности дорогой родины.

Несчастный ваш царь
Николай».¹

Нетрудно видеть, что эта германская прокламация выдвигает против в. к. Николая как раз те мотивы, какие находим мы и в той кампании, которую вели против него А. Ф. Романова совместно с Распутиным.

Когда Николай устранил «верховного», то руководился, как мы видели, больше всего именно опасением, что последний в конце концов свергнет его с престола. Это именно тот основной мотив, который выставлен и в германской прокламации.

Равным образом и указания прокламации, что в. к. Николай мешает царю «в употреблении данной богом власти», соответствуют тем мотивам, которые приводила А. Ф., как это видно из приведенных ранее цитат.

Прибавим к этому, что и германская посредница Васильчикова в одном из своих писем к Николаю, передав свой разговор с германским министром фон-Яговым, писала:

«Здесь² говорят, что в последнее время в. к. Николай Николаевич делает ошибку за ошибкой, и что он совсем не жалеет солдат».

Как бы спохватившись, что по смыслу текста видно, что это говорят те самые германские империалисты, поручение которых Васильчикова выполняла, она [спешит добавить: «это говорят и раненые русские и пленные» (письмо из Берлина от 14/27 мая 1915 г.)].³

Из всего этого уже видно, что в. к. Николай был нежелателен не только для Романовых, но и для германских империалистов.

¹ Печатный текст этой прокламации был представлен Николаю II верх. главнокомандующим Николаем Николаевичем при соответствующем приказе его по армии (см. приложения).

² Т.-е. в Германии.

³ См. здесь, стр. 18.

Такой взгляд германцев, несомненно, объясняется тем, что они, при устранении в. к. Николая Николаевича, рассчитывали достичь возможности заключить с Россией сепаратный мир. Существование такого именно мотива может быть подтверждено ссылкой на мемуары германского кронпринца. Говоря о том, что уже весной 1915 г. (т.-е. тогда, когда выступала Васильчикова) германцам следовало предпринять решительные шаги к переговорам с Россией о сепаратном мире, кронпринц отмечает вместе с тем имевшееся тогда главное для этого затруднение.

«Главное затруднение, — говорит кронпринц, — заключалось в том, что великий князь Николай Николаевич находится еще у власти». ¹

Распутин и А. Ф. Романова добились в рассматриваемый нами момент устранения этого «главного затруднения».

3.

В те самые дни, когда Николай готовился начать «новую чистую страницу», а А. Ф. Романова возвещала «начало славы» царствования своего мужа, — в эти дни была приподнято настроена и русская либеральная буржуазия: представители ее, несмотря даже на тревогу, вызванную увольнением в. к. Николая Николаевича, почти в тех же словах, что и Романовы, приветствовали «новую эру». ²

Но для Романовых эта «эра» начиналась в виду решения их разогнать Гос. Думу, уволить «верховного» и «либеральных» министров и вообще взять твердый реакционный курс, ориентируясь, прежде всего, на волю Распутина; либеральная буржуазия видела «новую эру» совсем в ином: в образовании думского «прогрессивного блока» и в тех политических выступлениях как Думы, так «союзов» и различных дум, где был выставлен лозунг — «министерство общественного доверия».

✓ Впервые этот лозунг «министерство доверия» прозвучал на чрезвычайном собрании московской городской думы, 10 августа. Под давлением этого выступления организовался и думский «прогрессивный блок» — в него вошло свыше трехсот депутатов (из общего числа 442), принадлежавших к «каде-

¹ «Записки германского кронпринца». II, 1923 г., стр. 130

² Буквально так говорилось в некоторых из тогдашних газет и журналов.

там», «октябристам», «прогрессистам»; сюда же примкнула часть «националистов» и «правых». Этот «блок», представлявший организацию преимущественно торгово-промышленной буржуазии (либеральной ее части), принял, в общем, ту же программу, какая была выставлена и московской думой.

Но буржуазии недолго пришлось торжествовать начало этой «новой эры»: 3 сентября Дума была закрыта, и поднятое настроение либеральной буржуазии стало снова тревожным.

Затем, 7 — 9 сентября в Москве собрались «общегородской» и «общеземский» съезды, которые протестовали против роспуска Гос. Думы и также вынесли пожелание «министерства доверия». Все это было повторено потом различными провинциальными думами и другими организациями либеральной буржуазии.

Относительно перерыва занятий Госуд. Думы и тех настроений, которые, в связи с этим, обнаружились у буржуазии, мы можем привести любопытную выдержку из доклада об этом Николаю II министра внутренних дел князя Щербатова, сделанного 16 сентября 1915 г.

Вот что сообщал он Николаю:

«Перерыв занятий Государственной Думы вызвал первоначально среди членов ее весьма тревожное настроение.

«Со стороны представителей левых групп ее высказывалось мнение о необходимости отозвать своих членов из всех правительственных комиссий, образованных для содействия государственной обороне, оказать воздействие на общественные организации, посвященные тем же целям, в видах прекращения ими своей деятельности, организовать протест против роспуска Думы в рабочих массах и всеми мерами добиваться принятия правительством программы образовавшегося в думе прогрессивного блока с требованиями политической амнистии, ответственного министерства и равноправия народностей. В результате, однако, среди членов думы получило преобладание более умеренное направление, сторонники коего высказались за сохранение полного спокойствия в стране и поддержание всеми общественными силами работ, направленных к организации страны, для содействия победе, так как прекращение этих работ и неизбежные волнения и беспорядки, связанные с проведением программы крайних партий, прежде всего и главным образом принесли бы непоправимый ущерб самой стране, парализуя ее усилия для борьбы с врагами.

«В широких общественных кругах известие о роспуске Государственной Думы также вызвало весьма напряженное настроение. После первых моментов всеобщей растерянности, обусловленной неожиданностью этого события, в обществе определились два преобладающих течения, а именно: более крайнее, сторонники коего настаивали на немедленном предъявлении правительству требования о принятии программы прогрессивного блока, под угрозой, в противном случае, приостановления деятельности всех общественных организаций, обслуживающих нужды армии, — и более умеренное, которое, по вышеприведенным мотивам, высказывалось за несвоевременность подобного рода выступления, в виду ущерба, приносимого ими делу государственной обороны.

«Агитация представителей крайнего левого направления в Петрограде и Москве имела некоторый успех среди рабочих масс, вследствие чего на многих фабрично-заводских предприятиях возникли забастовки, сопровождавшиеся насильственными действиями против чинов полиции и рабочих, не желавших примкнуть к стачке.

«Но возникшее среди рабочих движение не только не отделило массы в сторону крайнего течения, а, наоборот, оказало отрезвляющее действие на общество, находившееся еще под свежим впечатлением майских погромов в Москве, что и выразилось в постановлениях чрезвычайного заседания Московской городской думы, созванного 5 текущего сентября для обсуждения мер к прекращению трамвайной забастовки.

«В упомянутом заседании предложенная некоторыми из гласных думы резолюция, слагавшая с общества всякую ответственность за последствия нынешней политики правительства и объявлявшая действия его, в связи с роспуском Государственной Думы, тяжким преступлением против родины, вызвала решительный отпор со стороны большинства, которое, следуя призыву московского городского головы Челнокова, вынесло резолюцию совершенно иного характера, высказавши в ней осуждение забастовочному движению и указав лишь на необходимость скорейшего возобновления работ законодательных учреждений и введения в состав правительства лиц, облеченных доверием страны.

«Такая же двойственность общественного движения по поводу роспуска Государственной Думы сказалась и в заседаниях состоявшихся в Москве 7—9 сентября съездов обще-земского и общегородского союзов, которые, имея своею ближайшею задачею

выработку мер к упорядочению эвакуации раненых и беженцев, в действительности занялись выяснением отношения общественных групп к переживаемым страной событиям и выработкою общего плана действий.

«Учитывая это, представители крайних партий Государственной Думы и фабричных рабочих настойчиво стремились использовать эти съезды, главным образом общегородской, для проведения своей программы и с этой целью добивались принять непосредственное участие в работах последнего. Но, благодаря преобладающему влиянию сторонников более умеренного направления и, в частности, московского городского головы Челнокова, не допустившего вовсе участия на общегородском съезде вышеуказанных представителей Государственной Думы и рабочих, а также члена Государственной Думы Шингарева, настаивавшего в своей речи на необходимости более умеренной и осторожной тактики, на обоих съездах были вынесены резолюции, не отвечавшие ожиданиям крайних левых партий».¹

Этот документ лишний раз напоминает о той низменной трусости, которую проявила буржуазия в эти дни. Особенно характерно показание Щербатова, что возникшее среди рабочих движение «оказало отрезвляющее действие на общество» (т.-е. на буржуазию). Таким образом, увидев движение рабочих, «либеральная» буржуазия, вместо того, чтобы постараться всеми силами поддержать рабочий класс для совокупного выступления против царизма, поспешила теснее примкнуть к этому последнему и подкрепить его в борьбе против рабочих.

Итак, борьба в эти дни либеральной буржуазии с правительством ограничилась безобидным высказыванием «мнений». А относительно этих мнений дум (и, в частности, московской) А. Ф. Романова незадолго до этого с грубой едкостью изрекла: «Никому не нужно их мнение — пусть они лучше всего займутся вопросом о канализации».²

Но одновременно с оппозиционной буржуазией заговорил и другой фланг тогдашнего «общества» — крайние реакционеры, которых встревожили либеральные мнения; первый протест против них поспешило высказать «объединенное дворянство». Совет этой организации сообщил 22 августа 1915 г., через своего председателя Струкова, председателю совета министров, что, по «глубокому

¹ В дальнейшем тексте этого доклада приводятся, опускаемые нами, резолюции и общеземского и общегородского съездов. — С подлинника.

² «Переписка, т. III, стр. 276, письмо от 28 авг. 1915 г.

убеждению» объединенного дворянства, «произносимые и передаваемые прессою во все концы страны левые речи, некоторые заключения столичных совещаний и злоупотребления печатным словом являются предвестниками новых смут с целью изменения государственного строя России. Только незыблемость основ существующего порядка, — указывало «объединенное дворянство», — в соединении с твердою и единою правительственною властью в центре и на местах могут оградить страну от шатания мыслей и внутренней смуты».¹

Определявшийся с каждым днем все более и более «твердый» правительственный курс, по которому так давно вздыхали помещики - полукрепостники, вскоре нашел себе полную поддержку со стороны состоявшихся съездов «правых». Первый такой съезд происходил в Петрограде 21—23 ноября 1915 года. Председателем съезда был Щегловитов, который, назвав здесь манифест 17 октября «потерянной грамотой», заявил, что они, правые, признают не эту, а совсем другую грамоту — об избрании в 1613 году на царство Михаила Федоровича Романова.

В противовес «пожеланиям» прогрессивной буржуазии («блок»), съезд «правых» вынес ряд постановлений, в которых признал: требование правительства доверия — нарушением основных законов, требование амнистии — попустительством врагам церкви и государства, требование прекращения преследований за веру — попустительством сектантам, отказывающимся идти на войну, требование отмены ограничений прав евреев — походом на самобытность русского государства, требование примирительной политики в финляндском вопросе — нарушением законов, проведенных через законодательные палаты, требование свободы украинской печати — прекращением борьбы с опасным сепаратистским движением.

Вместе с тем съезд заявил, что роспуск Гос. Думы был вполне своевременным, так как деятельность прогрессивного блока «обещала внести в государство опасную смуту»; съезд

---

¹ Об этом заявлении тогда же сообщалось в газетах, а несколько позднее был опубликован и журнал заседания «совета объединенного дворянства», от 22 августа, когда обсуждался этот вопрос. Отсюда видно, что имелась и оппозиция этому постановлению, но очень ничтожная; отрицательно отнеслись к этому только три дворянских общества — петроградское, полтавское и костромское; последние два даже вышли из состава «совета» (см. «Русск. Ведомости» № от 15 ноября 1915 г.).

одобрил также смену министров, сочувствовавших требованиям «блока», и высказал, что земский и городской союз, а также военнопромышленные комитеты, препятствуют нормальной деятельности самоуправления и присваивают себе задачи, принадлежащие государственной власти.

Таким образом, на тогдашней буржуазно-помещичьей общественной арене выявили свои позиции две главных силы: с одной стороны, прогрессивная буржуазия, с другой — реакционные помещики.

И в той и в другой группе были, конечно, различные оттенки как в социальном смысле, так и в политическом. В частности, среди «правых» было много элементов, находившихся теперь в «оппозиции». Принадлежавшие к ней лица, при всем своем сочувствии к принципам «чистой монархии», не считали данную правительственную власть за «чистую», так как фактически во главе ее стоял «грязный мужик», Григорий Распутин. Это была оппозиция против Распутина, но, конечно, не против системы.

Вот что, в связи с этим, говорил, например, на одном из съездов отставной бюрократ В. И. Гурко: «Мы желаем, — держал он речь, — сильной власти, мы понимаем власть, вооруженную исключительным положением, власть с хлыстом, но не такую власть, которая сама находится под хлыстом».

Такая оппозиция раздражала Романовых чуть ли не более, чем та, которая требовала «министерства доверия», и А. Ф. Романова сочла нужным послать Николаю эту выдержку из речи Гурко, прибавив кстат: «Докажи им теперь всюду, где можешь, что ты самодержавный повелитель».¹

Ряды такой «правой» антираспутинской оппозиции были довольно велики, и это значительно уменьшало удельный вес той помещичьей группы, которая еще поддерживала распутинскую власть. Но за то те, кто ее поддерживали, все эти отставные бюрократы — Штюмереры, Щегловитовы, Белёцкие, — все они, имея тесную личную связь с Распутиным, выдвигались вновь к власти при его посредстве. «Оппозиционеры» из числа «правых» вообще говоря стояли на империалистской позиции (такова, например, была позиция большинства «объединенного дворянства»); что касается проникавших к власти лиц, то они, естественно, готовы были идти и по той «нацифистской» линии, которая предназначалась Распутиным.

¹ «Переписка», т. III, стр. 319, письмо от 8 сентября 1915 г.

Таким образом, опорой для своей политики Распутин нашел, прежде всего, в группах тех «правых», которые, исходя из убеждения, что «Россия, слава богу, не конституционная страна»,¹ стремились к самой черной реакции. Соответственно с такой политической линией был постепенно реорганизован и «кабинет», где первое время оставалось еще несколько министров, заподозренных в сочувствии пожеланиям «прогрессивного блока».

Из этого уже видно, что за борьбой Распутина с Николаем Николаевичем стала обнаруживаться борьба двух различных социальных групп.

Объясняется это тем, что, как известно, в. к. Николай был виднейшим, среди семьи Романовых, представителем крайних империалистских тенденций: этот не колебался, тогда как его племянник — царь мог поддаваться различным влияниям. Так, он поколебался еще в 1912 г. во время балканской войны и, несмотря на свое искреннее желание втянуть тогда русский народ в войну, предпочел все-таки, отчасти и под влиянием советов Распутина, удержаться от этого шага, на котором, кстати сказать, особенно усердно настаивал тот же Николай Николаевич. Эта «твердость» позиции обеспечила последнему сочувствие всех русских империалистов, — и, конечно, никто бы и усомниться не мог в его стремлении к «войне до конца» и в преданном служении интересам англо-французского капитала. В этом духе в. к. Николай оказывал влияние и на Николая — царя.

Совсем иное представление соединялось с именем Распутина: о нем еще до войны говорили и писали, как о стороннике «пацифистской» политики, а во время войны на него, не без основания, смотрели, как на сторонника сепаратного мира с Германией. После смены в. к. Николая, Распутин подчинил царя своему влиянию.

В результате, за сменой главнокомандующих, обнаружилась борьба двух «ориентаций»: «союзной» и германской, — а эта борьба основывалась, между прочим, и на различии интересов двух разных групп русской буржуазии. На смену одной, империалистской группы, к государственному аппарату стала постепенно подходить «пацифистская» группа. Возможность этого подхода была облегчена сменой верховного командования, — и в этом ее политическое значение.

---

¹ Это изречение, когда-то высказанное в Госуд. Думе Коковцовым, было особенно прочно усвоено А. Ф. Романовой, которая не раз его повторяла в своих письмах к Николаю.